

110 лет В.Т. Шаламову. По следам впечатлений от конференции

Павлов-Пинус К.А., Институт философии РАН

pavlov-koal@ya.ru

С 15-го по 18-е июня в Москве, а затем и в Вологде, на родине В.Т.Шаламова, в контексте цикла обсуждений «Проблемы российского самосознания», в режиме повышенной эмоциональности и горячих споров, проходила конференция, нацеленная на осмысление места и значимости В.Шаламова в русской культуре, в мировой истории, в буйных головах российских. Наверное, моё основное впечатление от этих собраний таково: нет более насущного, более современного мыслителя, писателя, наставника, собеседника в конце концов, нежели Варлам Тихонович Шаламов. Весь смысл его лагерной и послелагерной жизни – докричаться до своей страны. И в средоточии его крика – «Остановитесь... *Мы не знаем, что такое человек... Мы ничего не смыслим в природе человеческих стай и сообществ!*». Люди взгромоздились на груды непродуманных, непромысленных плодов своей интеллектуальной и прочей истории; на горы своих измышлений и фантазий о самих себе и о своих реальных и воображаемых «врагах»; и теперь, с этих мнимых высот, вооруженные «идеями», «программами», «воззваниями» и «заветами» они массами сбиваются в громящие кулаки, в ожидании очередной команды «вперед!». И не важно, внутренний ли голос даст эту команду, или какой новоявленный фюрер, вождь, освободитель... «Не надо 'вперед' – предупреждает Шаламов, - за углом может быть хуже». Давайте сначала разберемся с тем, где мы *есть*... Кто мы? ... Что такое «мы»? Остается ли что-либо от человека в этом усредненном «мы»?... Да и есть ли вообще человеческое?! Не верно ли, что человеческое в человеке – это самая главная, самая коварная иллюзия, категориальная ошибка, источник чудовищных бед?

Вот вопросы, которые обсуждались на круглых столах и в залах собраний.

Кто такой Шаламов? Писатель, поэт, философ, обличитель сталинизма,...?

Он *больше* всего этого.

Шаламов – это человек, ведущий прямой репортаж из звериной пасти человеческой природы, из последних глубин человеческой сути, которая не вчера стала такой. И посему он не просто рупор неких ужасающих исторических обстоятельств, это было бы заведомым преуменьшением его таланта. Он пишет не про «прошлое». А про то, что однажды сбылось (век назад? два? может быть, тысячу?) – и, сбывшись, теперь протягивает свои уродливые щупальца к настоящему, к будущему (через, например, блатной жаргон, обожаемый и нашим народом и его новым вождем, через лагерный «шансон», через поднимающую голову великодержавность, через идею зудящей сильной руки, через законы растления и распада, через пробуждение и повсеместное поощрение всего самого примитивного в человеке). Со звериным чутьем гениального

«репортера» он вглядывается в бессловесный мрак того *места*, где жизнь мертва, а смерть жива. И это место не «лагерь»; это место – «люди», изначное пространство их добровольного, духовного взаимоизничтожения. Это тени того, что классическая литература и философия считала людьми. А лагерь – это только случайная проговорка бытия, нечаянный эпизод сорванных масок.

В.Шаламов показывает это с мастерством великого художника. Однако сама поэтика его речи завораживает так, что даже в самые жуткие моменты мы не замерзаем насмерть вместе с его персонажами и не проваливаемся в кровавое месиво текста, – хотя сила его достоверности способна такое сделать с читателем, – мы остаемся в пространстве искусства. Его слово *спасительно*. Эта леденящая кровь мистика шаламовского слова требует своего понимания. Возможно, это самое главное в нем.

Он глядит туда, где еще брезжит надежда обрести оправдание существованию человечества. Разумеется, в силу своей фактической наличности человечество имеет полное право существовать, подобно тому как существуют акулы и волчьи стаи. Но чем может быть *оправдано* бытие человечества? Шаламов знает: оправдательное слово может быть сказано только Искусством, только оно удержит последний отсвет угасших *человеческих* жизней – тех, *кто не сломался*, кто в полном одиночестве и безвестности был вморожен в смерть, вбит кайлом или прикладом в недвижность... Последний вздох несломленного человека – это уже после этического поступка. Здесь этика переходит в над-человеческую вечность Слова. И посему, оправдание человечества – в этой непостижимой, еле уловимой возможности причастия к Искусству, которое только и способно *хранить* этическое – т.е. изымать из времени и своевременно возвращать обратно, в живую плоть и кровь мучительного, смертельно трудного выбора. Взаимодление этики и искусства.

Иногда кажется, что Шаламов водит вас по холодному музею восковых фигур... Но это образ условный. Присмотритесь, эти фигуры шевелятся! – и вы в любой момент рискуете встретиться взглядом с оловянными глазами прокурора... Гляньте, например, как одна современная прокурорша «интересуется» искусством... Результаты такого прокурорского интереса подробно описаны Шаламовым... Как жить посреди этой роящейся бесовщины? Что можно этому противопоставить? ... Об этом думали Пушкин, Достоевский, Шаламов... «Мчатся тучи, вьются тучи...».

Как я уже сказал, Шаламов в разы глубже и шире собственно лагерной темы. Виктор Гольцев назвал «Котлован» Андрея Платонова самой страшной книгой, написанной в России. Думается, это верно. В «Котловане» ужасает метафизическая мгла, а не привязка к какому бы то ни было конкретному историческому материалу. Как мне кажется, лагерный опыт Шаламова, точнее, чудовищные его телесные и психологические детали, заслоняют нечто более важное и глубокое в Шаламовской «мире». Неизвестно, что ужасает больше, сама проза Шаламова, или его замечание о том, что он каждую строчку своих рассказов физически *прокричал*... Родись Шаламов чуть раньше, сумей избежать лагерного срока, он написал бы не менее жуткую вещь нежели «Колымские рассказы». Просто никто кроме Шаламова не смог бы *так* сказать

о реальной Колыме, но это другой вопрос¹. Ведь здесь дело не только в предмете, но и в писательской оптике, в самом строении художественного глаза. А от шаламовского глаза, от его чутья ничто не ускользнуло бы из того, что его вплотную заставили усмотреть в лагерных людях, в этих толпах человекообразных теней, как не ускользнуло (по-своему) что-то бесконечно значимое и бесконечно жуткое от взгляда Замятина, Горького, Платонова, Ницше, Оруэлла... Это всё требует своего детального понимания, прояснения.

Один из главных вопросов конференции – место Шаламова в российском самосознании. Ответ мы получили – это место равно исчезающему нулю, если говорить о российских масштабах, числах, количествах, значимости для «широкой публики». Этот всероссийский нуль тщательно охраняется центральным телевидением, партийными установками, раскладом современных «понятий»... Они опять побеждают... Они опять распределяют пайки, места у печки и время смерти... Инструкции Шаламова о выживании в толпе, в лагере еще, видимо, многим пригодятся.

PS. Текст написан в поезде, на пути из Вологды в Москву, и приведен здесь без изменений. Ссылки на фразы Шаламова приводятся по памяти, но, надеюсь, узнаваемы.

¹ Возможно, в этой страшной правде заключается ответ на вопрос Шаламова, адресованный, скорее, некоему неведомому ему богу: «Почему я?»...